

— Я переживаю за блогера-миллионника, — ответил Цяо Юаньлинь.

Лао Сы подумал: «И почему опять я крайний?» — и с усмешкой бросил:

— Слышь, малявка, шел бы ты отдыхать. Пьянеешь от одного бокала пива, куда тебе лезть в дела баров.

Цяо Юаньлинь фыркнул и замолчал. Они еще немного поговорили о делах заведения, пока Ин Сяоцун это не наскучило. По-разбойничьи улыбнувшись, она спросила, куда это они с Лян Чэном ходили на свидание.

Лян Чэн ответил:

— К Чэн Хуаймину.

Ин Сяоцун на миг притихла:

— И почему меня не позвали? Я так давно не видела господина капитана Чэна.

Тот сарказм на складе Линхай до сих пор глубоко врезался в память Цяо Юаньлиня. Он спросил:

— Братец Ин, вы знакомы с офицером Чэном?

— А, так он меня и повязал, — буднично, словно хвастаясь подвигом, ответила Ин Сяоцун. — А потом я у него несколько лет была информатором. Черт, зануда он временами тот еще.

Цяо Юаньлиню без труда удалось разговорить Ин Сяоцун. Наслушавшись сплетен о работе информатора и незаметно для себя наевшись до отвала, он уютно устроился на бескаркасном кресле-мешке, чувствуя, как его клонит в сон.

В полудреме он почувствовал, как кто-то обнял его за плечо. Цяо Юаньлинь прислонился к голени Лян Чэна, положив голову ему на колени. Твердая кость давила на щеку, отчего та затекла, но большая ладонь, внезапно опустившаяся ему на макушку, дарила приятное тепло.

Запах виски словно опьянил его, двигаться совершенно не хотелось. Даже когда остальные разошлись и со стола убрали грязную посуду, они с Лян Чэном продолжали беззастенчиво занимать это небольшое пространство, точно птицы, захватившие чужое гнездо.

Заметив его вялость, Лян Чэн предложил:

— Может, пойдешь поспишь на кровати братца Ин?

Цяо Юаньлинь не пошевелился. Он лишь спросил:

— Ты собираешься стать совладельцем этого бара?

— Вряд ли, — ответил Лян Чэн. — Как-нибудь схожу на улицу Фаньди, посмотрю, что там.

— Цветочный магазин рядом с больницей и тот разорился, так что будь поаккуратнее, — отозвался Цяо Юаньлинь.

Это было темным пятном в биографии Лян Чэна. Он возразил:

— Тот магазин я открывал не один, на Чжэн Яньдуне тоже лежит часть вины.

Цяо Юаньлинь тут же вспомнил черный «Лексус». Вспыхнувшая тогда ревность была столь яростной, что он нелепо приписал Чжэн Яньдуну и Лян Чэну романтические отношения. Он спросил:

— Чжэн Яньдун женат?

— Нет, — ответил Лян Чэн. — С чего вдруг такой вопрос?

— Просто подумал, каким дураком был раньше, — тихонько рассмеялся Цяо Юаньлинь. — Я ведь даже подозревал, что он твой бывший. На самом деле я понятия не имел о его ориентации. Да и в твоей, честно говоря, тоже не был уверен.

Лян Чэн начал:

— Я...

Дверь открылась, и вернулась Ин Сяоцун, решившая вздремнуть после прогулки.

Цяо Юаньлинь быстро поднялся с коленей Лян Чэна и принялся зачесывать челку назад, пока сон окончательно не прошел. На обратном пути он писал отчет о проделанной работе для Бао Чуньшаня, поэтому ехал молча, не произнося ни слова.

На собрании в понедельник Бао Чуньшань особо ни на что не надеялся, но никак не ожидал получить эксклюзив, да еще и в формате личного интервью. Сложно было понять, доволен ли он, однако он сразу передал это дело под полную ответственность Цяо Юаньлиня.

За этим последовала череда сверхурочной работы. Цяо Юаньлинь еще два-три раза съездил в жилой квартал для семей сотрудников городского управления полиции. Опасаясь переутомить Чэн Лие, он совмещал интервью с непринужденной беседой, а закончив, возвращался на телестанцию, чтобы дорабатывать материал.

Когда текст официального интервью был готов, Цяо Юаньлинь распечатал копию и забрал ее домой. Он отправил Лян Чэну сообщение, интересуясь, сможет ли тот приехать сегодня вечером.

Лян Чэн согласился, но вернулся почти в полночь. Он уже успел принять душ в операционном блоке больницы, и лицо его выглядело свежим, хотя хриплый голос выдавал сильную усталость.

Он присел на край кровати Цяо Юаньлиня, закинув ногу на ногу, и потер переносицу, чтобы немного взбодриться:

— Что случилось?

Цяо Юаньлинь протянул ему распечатанный текст:

— Завтра официальные съемки. Посмотри ту часть, где упоминается дело о домашнем насилии. Если нужно что-то исправить, я сделаю это сегодня ночью.

— Горе ты мое, — вздохнул Лян Чэн. Он вел машину в полусонном состоянии только ради этого? — Мог бы просто сфотографировать и прислать мне.

— До выхода программы в эфир все держится в секрете. Вдруг ты его кому-нибудь сольешь? — возразил Цяо Юаньлинь.

Лян Чэн усмехнулся. Пробежав глазами несколько абзацев, он не нашел никаких проблем: события тех дней описали в общих чертах как типичный случай, так что никто не сможет догадаться, о ком конкретно идет речь.

Удерживая листы бумаги, он, вопреки усталости, почувствовал прилив сил. Лян Чэн бегло просмотрел остальной текст и в одной из строк наткнулся на вопрос к Чэн Лие о том, хочет ли он что-то сказать пострадавшей стороне.

Цяо Юаньлинь пояснил:

— Сначала я хотел спросить его об этом с глазу на глаз и передать его слова тебе и тете Хэ. Но потом подумал, что лучше заснять этот момент на камеру. Пусть это станет публичным извинением, о значении которого будете знать только вы двое.

Лян Чэн никогда даже не надеялся на подобное. Он не испытывал ненависти к Чэн Лие, просто презирал его долгие годы. Но сейчас все его чувства будто испарились, тяжелый камень на сердце рассыпался в прах, принося долгожданное облегчение, которое прежде казалось ему недостижимым.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что, — отшутился Цяо Юаньлинь. — Я получил профессиональное удовлетворение, так что вполне доволен.

Лян Чэн прекрасно понимал это чувство. Оно напоминало состояние потока во время операции — неопишуемое удовольствие от работы. Он уже давно знал, как сильно Цяо Юаньлинь увлечен журналистикой, и верил, что эта профессия всегда будет приносить ему радость.

В этот момент Цяо Юаньлинь негромко произнес:

— Это первое интервью под моей полной ответственностью. Было бы здорово, если бы мама смогла увидеть его, когда программа выйдет в эфир.

Лян Чэн сохранил невозмутимый вид и спросил:

— Ты решил стать журналистом под влиянием мамы?

— Да, — кивнул Цяо Юаньлинь. — Моя мама была на редкость рациональным человеком. В университете она сначала училась на юридическом, но потом поняла, что ее тянет к новостям, и, несмотря на все препятствия, перевелась на другой факультет.

Лян Чэн как-то странно усмехнулся и опустил глаза. В его холодном взгляде промелькнуло что-то нечитаемое:

— Она добилась большого успеха.

Цяо Юаньлинь кивнул:

— Она всегда требовала от себя максимума, была настоящим перфекционистом.

— В мире нет совершенных людей, — глухим голосом произнес Лян Чэн. — Все смертные

совершают ошибки.

— Мама говорила, что ее главной ошибкой было замужество с моим отцом, — с грустью в голосе произнес Цяо Юаньлинь. — А то, что она родила меня больным, считается ли это ее очередным просчетом?

— Не знаю, — рассеянно ответил Лян Чэн.

Цяо Юаньлинь, рассчитывавший услышать слова поддержки, проворчал:

— Ну и собеседник из тебя...

Он потянул Лян Чэна за руку, заставляя подняться с кровати. Ему казалось, что тот от усталости уже не отличит скальпель от кухонного ножа. Выставив его за дверь, Цяо Юаньлинь не стал говорить «иди спать», а просто бросил:

— Я спать.

Дверь закрылась, и сквозь щель Лян Чэн негромко добавил:

— Спокойной ночи.

На следующий день Цяо Юаньлинь, все мысли которого были заняты предстоящими съемками, проснулся ни свет ни заря и ушел на работу. В доме остались трое врачей. Каждый из них отпустил по язвительному замечанию в адрес собственной больницы, после чего общие темы для разговора иссякли.

Лян Чэн приехал в госпиталь, надел белый халат, подписал необходимые ежедневные документы и начал прием пациентов. Вскоре вошла супружеская пара с ребенком на руках. Малышу было всего восемь месяцев, он тихо спал на груди у отца.

Согрев стетоскоп в ладонях, Лян Чэн просунул руку под пеленки. Второй тон сердца у младенца был одиночным и слабым, а в районе второго-четвертого межреберья у левого края грудины прослушивался шум.

Когда пришли результаты обследований, диагноз подтвердился — тетрада Фалло. Лян Чэн порекомендовал госпитализацию.

Отец ребенка отправился оформлять документы, а молодая мать осталась укачивать малыша. При каждом ее движении раздавался чистый, звонкий перезвон. Младенец проснулся и высунул ручку из пеленок — на его крошечном запястье на красной ниточке висел миниатюрный бубенчик.

Лян Чэн заглянул в эти черные, похожие на виноградины глазки и улыбнулся:

— А ты у нас модник.

Малыш, казалось, улыбнулся ему в ответ, пустив слюну. Его мать пояснила:

— Это благословенный бубенчик из храма Лэань. Его сплел и освятил сам настоятель. Говорят, он очень помогает.

Лян Чэн никогда не верил в богов и не почитал духов. Он всегда отличался бунтарским и упрямым нравом, а потому промолчал.

Однако женщина неожиданно добавила:

— Но, доктор, вам я верю гораздо больше, чем этому бубенчику.

Он слегка растерялся:

— Спасибо.

— Ради того, чтобы он вырос здоровым, мы испробуем всё, неважно, верим мы в это или нет, поможет оно или окажется бесполезным, — в глазах матери читалась боль, но оптимизма в ней было больше. — Главное, что этот бубенчик на его ручке звенит, малыш улыбается и пускает слюни. Для нас этого уже достаточно.

Лян Чэн не помнил, сколько пациентов принял за день, но в редкие минуты отдыха его мысли неизменно возвращались к словам той матери.

К вечеру, когда приемы закончились, небо заволокли тяжелые тучи. Дождя не было уже давно, и город отчаянно нуждался во влаге.

Лян Чэн поехал домой. В пути начался дождь, мелкие капли застучали по лобовому стеклу. Он не стал включать дворники, выключил кондиционер и опустил боковое стекло, впуская в салон влажный, прохладный ветер.

Остановившись на красный свет, он отправил Цяо Юаньлиню сообщение: «Закончили съемки?»

Отсутствие ответа само по себе было ответом. Скорее всего, тот еще был занят.

В Лян Чэне проснулось редкое для него ребячество, и пальцы сами побежали по экрану: «В тот день ты мне так и не ответил».

Лян Чэн: «Осталось четыре дня».

Лян Чэн: «Будем праздновать ненастоящий день рождения?»

Лян Чэн: «Не хочешь?»

Лян Чэн: «И в будущем тоже не будем?»

У ворот храма Лэань высились десятки ступеней. Серые каменные плиты потемнели от сырости, к ним прилипли опавшие листья. Спустя час внедорожник затормозил у подножия лестницы.

Лян Чэн вышел под морозящий дождь. В этот момент зазвонил телефон — это был Цяо Юаньлинь.

Он нажал на кнопку ответа, и из динамика послышался голос Цяо Юаньлиня:

— Прекрасно знаешь, что дата неправильная... Что на тебя нашло?

— А как же подарок на день рождения? — спросил Лян Чэн. — Спустя восемь лет... ты все еще хочешь его получить?